

А.А. Гируцкий
(Беларусь, Минск)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДИСКУРС С.А. ЕСЕНИНА В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Одной из главных черт художественного дискурса С.А. Есенина называют его народную основу. Несмотря на очевидные в его творчестве метания, поиски других путей, обращения к другим темам С.А. Есенин остался в литературе, прежде всего, «поэтом деревни», «поэтом золотой бревенчатой избы». Но, как справедливо отмечает Ю. Селезнев, остался «не как свидетельство об отмершей культуре, погребенной под железобетоном «асфальтового периода литературы», но как свидетельство возможности и необходимости преодоления этого «асфальтового периода» подлинной культурой возрождения в народности. И отнюдь не как «последний поэт», но скорее уж – первый, во всяком случае по значимости, поэт этой эпохи возрождения, утверждавшей себя через поэзию Есенина в жестокой, трагической во многом, в том числе и лично для Есенина, борьбе с агрессивной обесчелоченной «культурой железобетона» [4, 557].

Народная основа художественного творчества С.А. Есенина требовала от него обращения к народнопоэтическим средствам в своей поэзии. Наиболее ярко народнопоэтический стиль воплощен в поэме «Марфа Посадница». Здесь и зачины, и плачи, и тропы, и фигуры речи, и ритмико-интонационная структура, и сюжетные части, местами напоминающие «Слово о полку Игореве»:

В зарукавнике Марфа Богу молилась,
Рукавом горючи слезы утирала;
За окошко она наклонилась,
Голубей к себе на колени сзывала.
 «Уж вы, голуби, слуги Боговы,
 Слетайте-ко в райский терем.
 Вертайтесь в земное логово,
 Стучитесь к новгородским дверям!» [5, 129].

Народнопоэтическая стихия художественного дискурса С.А. Есенина вбирает в себя целый пласт просторечной и диалектной лексики, прежде всего, из рязанских говоров: *подтыки*, *купальница* (в значении ‘купальская ночь’), *ворожбинный*, *не дознамо*, *кулижка*, *бластиться*, *ощур*, *яблонный*, *дулейка*, *зык*, *извольно*, *выхваль*, *поставник*, *загозно*, *могутный* и др., например:

Матушка в *купальницу* по лесу ходила,
Босая, с *подтыками*, по росе бродила.
Травы *ворожбиные* ноги ей кололи,
Плакала родимая в *купырях* от боли [5, 24].

Это пример из ранних стихов поэта, в которых он начинает как певец Руси, в которой живы языческие представления о мире, проходя затем путь «от «крестьянской купницы», обособленной от общенациональной культуры – к «я

– сын крестьянина» как осознанию культурно-исторической миссии народной культуры грядущей эпохи» [4, 649].

В словообразовательном смысле развитие Сергеем Есениным традиций народного творчества заключается в обновлении и преобразовании им словообразовательных моделей. Как известно, одними из древнейших слов в русском языке были безаффиксные существительные современного третьего склонения, которые служили словообразовательной моделью для образования новых существительных этого типа. В русском языке эпохи С.А. Есенина эта модель являлась уже непродуктивной. В творчестве поэта она получает новое «дыхание», становясь особой приметой его художественного стиля. В его стихах можно найти необычайное многообразие таких существительных, как уже прижившихся в языке, так и выступающих в качестве новообразований поэта: *синь, ширь, зыбь, высь, рань, новь, жуть, гнусь, темень, омут, приволь, сыр, хмарь, стынь, ржавь, сочь, бредь, крепь, голубень, морозь, выбель, мреть, звань, тужиль, звень* и др.: *Не видать конца и края – Только синь сосет глаза* [5, 29]; *Две луны, рога свои качая, Замутили желтым дымом зыбь* [5, 32]; *Не за песни весны над равниною Дорога мне зеленая ширь...* [5,31]; *Побегу по мятой стежке На приволь зеленых лех* [5,29]; *А другой изомнет и забросит, Как изъеденный сырю хомут* [5,29]; *Так испуганно в снежную выбель Заметалась звенящая жуть* [5, 56]; *Словно я весенней гулкой ранью Проскакал на розовом коне* [5, 54]; *Я на всю эту ржавую мреть Буду щурить глаза и суживать* [5, 57].

Отражением традиций устного народного творчества является широкое употребление составных существительных, образованных сложением без соединительной гласной. Некоторые из них в современном русском языке имеют устойчивый характер, а другие выступают в качестве окказиональных образований, поэтической метафоры: *судьба-разлучница, девушка-царевна, ковыль-трава, изба-старуха, душа-яблоня, отрок-ветер, людоедка-мельница, солдат-калека, окна-ставни, угли-очи, братья-миряне, судьба-мздоимец, кашель-сморд, сестры-суки, братья-кобели, солнце-куст, садовник-осень* и др.: *Как снежинка белая, в просини я таю Да к судьбе-разлучнице след свой заметаю* [5, 24]; *За шумели над затоном тростники. Плачет девушка-царевна у реки* [5, 24]; *В незримых пашиях растут слова, Смешалась с думой ковыль-трава* [5, 42]; *Отрок-ветер по самые плечи Заголил на березке подол* [5, 52]; *Услыхали ангелы голос человечесий Отворили наскоро окна-ставни горние* [5, 127]; *Загорятся, как черна смородина, Угли-очи в подковах бровей* [5,130]; *Сыпь черемухой, солнце-куст* [5, 154].

Поэт широко использовал возможности словообразования как художественного средства, образуя новые слова практически всеми известными в языке способами – префиксальным, суффиксальным, сложением, усечением основ и др.: *сутемень, колдовная, нежнопенная, змейно, просиничный, полднюй, звонно, легкодымней, крутосклон, млечность, ноять, бескудрая, озлатонивить, среброзвонный, шума, водь, вытяж, вырацало, прокогтялось, выгибь, снежнорогий, власозвездный, облачье, несчислимый, солнцеголовый,*

златохвойный, сельщина, росяница и др.: *Вырос я до зрелости, внук купальской ночи, Сутемень колдовная счастье мне пророчит [5, 24]; Ходит девушка по бережку грустна. Ткет ей саван нежнопенная волна [5, 25]; Я смотрел из окошка на синий платок, Кудри черные змейно трепал ветерок [5, 25]; Я вижу – в просиничном платке, На легкокрылых облаках, идет возлюбленная Мати С Пречистым Сыном на руках [5,29]; «Ходи, мой сын, живи без крова, Зорюй и полднюй у куста» [5, 29]; А у низеньких околиц Звонно чахнут тополя [5,29]; Там синь и полымя воздушней И легкодымней пелена [5, 32]; И дремлет Русь в тоске своей веселой, Вцепивши руки в желтый крутосклон [5, 39]; Не гнетет немая млечность, Не тревожит звездный страх [5,40]; Довольно гнить и ноять, И славить гнетом гнусь [5, 46]; И выползет из колоса, Как рой, пшеничный злак, Чтобы пчелиным голосом Озлатонивить мрак...[5, 143].*

Словообразовательные художественные возможности языка используются С.А. Есениным для создания неожиданных красок, картин окружающего мира, выражения единства природы и человека, живого и неживого, объединения всего сущего одной космической связью. Отсюда его удивительные метафоры и олицетворения. Как отмечал М.М. Бахтин, метафора поэта сохраняет связь между микрокосмосом избы и макрокосмосом мира, она не боится света, сознания. С.А. Есенин «сближает солнце с телянком или котом, переходит непосредственно от избы к космосу; подробности избы связывает с космическими явлениями – солнцем, днем, ночью, жизнью, смертью» [2, 523]. Люди, животные, растения, стихии – все у поэта являются детьми одной матери – природы. Поэтому в его стихах часто соединяются высокое и низкое, земное и космическое, живое и неживое, настолько гармонично перетекая друг в друга, что их иногда трудно отделить друг от друга. Так, например, происходит в стихотворении «Закружилась листва золотая», в котором важную художественную роль выполняют и словообразовательные средства:

Закружилась листва золотая
В розовой роде на пруду,
Словно бабочек легкая стая
С замираньем летит на звезду.
 Я сегодня влюблен в этот вечер,
 Близок сердцу желтеющий дол.
 Отрок-ветер по самые плечи
 Заголил на березке подол.
И в душе, и в долине прохлада,
Синий сумрак как стадо овец.
За калиткою смолкшего сада
Прозвенит и замрет бубенец.
 Я еще никогда бережливо
 Так не слушал разумную плоть.
 Хорошо бы, как ветками ива,
 Опрокинуться в розовость вод.
Хорошо бы, на стог улыбаясь,
Мордой месяца сено жевать...

Где ты, где, моя тихая радость –
Все любя, ничего не желать? [5, 52 – 53].

Уже в первой строфе прослеживается такое «перетекание»: листва может кружиться как бабочки, а бабочки с замираньем (здесь предполагается наличие у них «замирающей» души) устремляться в космос.

Во второй строфе тема единства природы и человека усиливается. И в этом важную роль играет созданное С.А. Есениным составное слово *отрок-ветер*. В контексте стиха – это, безусловно, сложное слово, а не существительное с приложением, поскольку ветер здесь выступает живым существом, а отрок – стихией, ветром и тогда непонятно, что к чему «прилагается». Ветер, конечно, может заголить подол, но не у березки и не «по самые плечи», которых у нее нет. Березка здесь уподобляется девушке, пробегая мимо которой ветреный озорник-отрок может заголить у нее подол по самые плечи. Взрослый мужчина так делать не станет, поэтому и ветер, позволивший себе такую вольность, может быть только юным – всего лишь отроком.

Третья строфа развивает тему единства природы и человека, живого и неживого: в душе, как и в долине, – прохлада, сумрак похож на стадо овец, а сад, якобы до того говоривший, – смолкает.

Эта тема последовательно проходит и в основной части стихотворения: ива «опрокидывается» в воды, месяц надеется «мордой», которая может жевать сено. В этом стихотворении все – высокое и низкое, природа, человек и космос свиты в живое целое художественной мыслью поэта.

Эта особенность художественного дискурса С.А. Есенина ярко отражается и в стихотворении «Голубень», название которого является словообразовательным окказионализмом. Уже само название настраивает на необычность содержания – почему не голубизна? Однако по прочтении стихотворения становится ясным, что суть здесь не в голубом цвете и голубизне как предметности окружающего с этим цветом, а в совершенно ином – особой бытийности, в которой голубень выступает лишь связующей нитью между природой, внешним миром и преобладающим состоянием лирического героя. Оттенки голубого выступают только в качестве завязки (*заголубели доли*) и концовки стиха (*голубое поле; стынет синь во взорах*). Посередине масса других цветов, расцвечивающих многообразный и единосущный для поэта в голубени мир: белый, синий, буланный, золотой, красный, молочный, желтый, рдяный.

В прозрачном холоде заголубели доли,
Отчетлив стук подкованных копыт,
Трава поблекшая в расстеленные полы
Сбирает медь с обветренных раки.
С пустых лощин ползет дугою тощей
Сырой туман, курчаво свившись в мох,
И вечер, свесившись над речкою, полощет
Водою белой пальцы синих ног.

*

Осенним холодом расцвечены надежды,
Бредет мой конь, как тихая судьба,
И ловит край махающей одежды
Его чуть мокрая буланая губа.
В дорогу дальнюю, ни к битве, ни к покою,
Влекут меня незримые следы,
Погаснет день, мелькнув пятой златою,
И в короб лет улягутся труды.

*

Сыпучей ржавчиной краснеют по дороге
Холмы плешивые и слегшийся песок,
И пляшет сумрак в галочьей тревоге,
Согнув луну в пастушеский рожок.
Молочный дым качает ветром села,
Но ветра нет, есть только легкий звон.
И дремлет Русь в тоске своей веселой,
Вцепивши руки в желтый крутосклон. <...>

*

Опять передо мною голубое поле,
Качают лужи солнца рдяный лик.
Иные в сердце радости и боли,
И новый говор липнет на язык.
Водою зыбкой стынет синь во взорах,
Бредет мой конь, откинув удила,
И горстью смуглою листвы последний ворох
Кидает ветер вслед из подола [5, 38 – 39].

Литература

1. Ахматова, А. Сергей Есенин / А. Ахматова // Сергей Александрович Есенин / подгот. С.С. Куняев. – М.: Русский Миръ: Жизнь и мысль, 2013. – С. 525 – 532.
2. Бахтин, М.М. Есенин / М.М. Бахтин // Сергей Александрович Есенин / подгот. С.С. Куняев. – М.: Русский Миръ: Жизнь и мысль, 2013. – С. 521 – 525.
3. Куняев, С. От Вардзии до Константинова / С. Куняев // Сергей Александрович Есенин / подгот. С.С. Куняев. – М.: Русский Миръ: Жизнь и мысль, 2013. – С. 595 – 624.
4. Селезнев, Ю. На перепутье эпох / Ю. Селезнев // Сергей Александрович Есенин / подгот. С.С. Куняев. – М.: Русский Миръ: Жизнь и мысль, 2013. – С. 644 – 658.
5. Сергей Александрович Есенин / подгот. С.С. Куняев. – М.: Русский Миръ: Жизнь и мысль, 2013. – 736 с.
6. Художественные средства русского народного поэтического творчества / ред. Н.И. Кравцов. – М.: Изд-во Московского университета, 1975. – 166 с.